
ТЕОРИЯ КАЧЕСТВ РЕЧИ В РУССКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XVII—XIX ВВ.

Касем Мохаммад

Кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации
Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
ул. Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

В статье излагается эволюция теории коммуникативных качеств речи, которые получили развернутое описание в русских учебниках риторики и словесности XVII—XIX вв. Авторами этих концепций явились как малоизвестные создатели рукописных риторик, так и классики русской филологии М.М. Сперанский, Н.Ф. Кошанский, Я.В. Толмачев, в трудах которых качества речи получили оригинальное толкование.

Ключевые слова: качество речи, риторика, красноречие, коммуникация.

Описание качеств речи в русской филологической традиции начинается, по-видимому, с тех теоретических руководств, где впервые представлено описание правил языка и речи. Такими книгами явились первые руководства по грамматике и риторике, которые были обобщены в «Сказании о семи свободных мудростех», написанном после Смутного времени в период начавшегося государственного строительства новой династии Романовых. Из семи «наук-мудростей» выделялся «тривиум» филологических «мудростей»: грамматика, риторика, диалектика. Уже в определениях этих наук можно увидеть те требования к качествам речи, которые задействованы каждой из наук. Так, о грамматике сказано, что она «есть художество... благо глаголати и писати учащее» [1. С. 29], т.е. грамматика обучает хорошо, правильно говорить и писать; риторика же «есть художество, яже учит слово украшати и увещевати» [1. С. 31], т.е. риторика обучает речь украшать и убеждать. Таким образом, грамматика соотносится с правильностью речи, а риторика — с украшенностью.

Подобное указание именно на качества речи, различающие три науки (грамматику, риторику и диалектику), находим во всех последующих сочинениях доломоновского периода. Так, в первой русской «Риторике» 1620 г. сказано о том, что «диалектика простые дела показывает, сиречь голые», т.е. представляет речевое доказательство простым и неукрашенным, «риторика же к тем делам придает и прибавливает силы словесные кабы что ризу честну или некую одежду» [3. С. 22]. «Одеждой» риторики является, конечно, ее словесное украшение, о чем с еще большей выразительностью сказано в определении риторики, где указано на качества, имевшиеся в античной традиции: «Риторика... научает... **добрословия**. Сию же науку **сладкогласием** или **краснословием** нарицают, понеже **красовито** и **удобно** глаголати и писати научает» [1. С. 21] (1).

Таким образом, уже в самых ранних русских риторических сочинениях имеются указания на достоинства речи: «добрословие» и «благоречие» (хорошая речь в самом общем смысле), украшенность (красоту), сладость, чистоту, ясность, умеренность (последняя переводится как «удобность» еще в нескольких параграфах «Риторики»).

В доломоносовских риториках петровского времени, как и в первой русской «Риторике», нет специальных толкований качества речи, однако имеются постоянные ссылки на те или иные качества речи, ориентация на которые позволяет различать как сами науки, так и разные виды речи. Например, в «Риторике» Михаила Усачева 1699 г. совершенно определенно представлено отличие риторики от грамматики с комментарием качеств речи, свидетельствующих о таком различии. «Риторика есть наука *добре*, *красно* и о всяких вещех *прилично* глаголати». Далее комментируется, что «*добре* глаголати есть грамматически глаголати», т.е. грамматика учит «только *добре* глаголати, а не *красно*». Итак, грамматика относится к «доброй» речи, под которой следует понимать правильную речь, риторика же, хотя и не обходится без грамматики, являющейся основанием всем наукам, прибавляет сюда «красноглаголание» и необходимость «прилично глаголати» [Цит. по: 2. С. 81].

Эти риторика подготовили появление первой научной «Риторики» М.В. Ломоносова под названием «Краткое руководство к красноречию». Это сочинение было напечатано в 1748 г., однако и в нем мы не находим комментирования качеств речи, хотя качество «красоты» вынесено в название учебника, которому суждено было стать основанием русской науки о речи. «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению». В учебнике М.В. Ломоносова вся 2-я глава посвящена «украшению» — в ней представлены учения о тропах и фигурах речи с подробной классификацией всех имеющихся способов украшения речи.

Несмотря на отсутствие специальных глав или разделов, посвященных качествам речи, упоминание о них выводится из хорошо известных всем ломоносовских текстов. Так, известная похвала русскому языку, взятому в сопоставлении с другими европейскими языками, свидетельствует именно о наличии в нем множества таких качеств, которые представлены как раз теми самыми «достоинствами», как писали в античности, или положительными свойствами речи. «*Великолепие* испанского, *живость* французского, *крепость* немецкого, *нежность* италийского» — все это качества, которые прямо соотносятся с проанализированными выше качествами красоты («великолепие»), живости, силы («крепость»), сладости («нежность») [8. С. 391].

Однако, если у М.В. Ломоносова отсутствует терминология, называющая качества речи, он, тем не менее, во 2-й части «О украшении» замечает, что украшение состоит в «чистоте штиля, в течении слова, в великолепии и силе оного» [8. С. 236]. Все перечисленные слова по содержанию, вкладываемому в них великим ученым, суть не что иное, как качества речи. Правда, их толкование существенно разнится от имеющегося в предыдущей традиции и не всегда будет согласовываться с теми объяснениями, которые будут встречаться в XIX в.

Чистота штиля «зависит от основательного знания языка, от частого чтения хороших книг и от обхождения с людьми, которые говорят чисто» [8. С. 236]. Для первого требуется «изучение правил грамматических», для второго — выбор из книг «хороших речений, пословиц и поговорок», для третьего — стара-

ние о чистом выговоре при людях, которые и красоту языка знают и наблюдают» [б. С. 236—237].

Под **течением слов** М.В. Ломоносов будет понимать то, что в дальнейшем будет названо «гармонией, или благозвучием» (см. у Н.Ф. Кошанского или у А.И. Галлича), т.е. «порядочное положение и вмещение письмен, складов с их ударениями, речений, периодов» — в комментариях М.В. Ломоносов говорит, чего должен избегать ритор: «непристойного и слуху противного стечения согласных, удаляться от стечения письмен гласных (*жалостно о отшествии...*), частого повторения одного письмени (*тот путь тогда топтать трудно*)» [б. С. 240].

Великолепие достигается использованием тропов и фигур, причем тропы бывают речевые и предложения. Здесь М.В. Ломоносов вполне придерживается античной и предшествующей русской традиции. Под **силой** в украшении более всего понимается пристойность, ибо «без пристойных движений, взглядов и речей вся красота и великолепие будут бездушны» [б. С. 238].

Любопытно, как свойства русского языка проявились в первом Словаре Академии Российской 1789—1793 гг., составлявшемся под руководством первого президента Российской Академии наук Е.Р. Дашковой. Словарь, по мысли его создателей, являлся основой для описания языка и выявления его качеств, которые будут неоднократно проговорены в различных контекстах: «обилия, красоты, важности и силы». В.И. Аннушкин в предисловии к переизданию Словаря [С. 12—24] пишет следующее: «Несомненно то, что основные качества („свойства“) языка *обилие, красота, важность, сила* и, конечно, *чистота* (а словесные науки касаются „до свойств и чистоты языка“) восходят к известной характеристике, данной российскому языку М.В. Ломоносовым, который видел в русском языке «*великолепие* (здесь «красоту») испанского, *живость* французского, *крепость* (аналог «силы») немецкого, *нежность* итальянского, сверх того, *богатство* и *сильную* в изображении *краткость* греческого и латинского языков». Эти качества будут неоднократно проговариваться в Предисловии к Словарю, например, богатство языка осмысляется как «обилие» текстов, написанных на этом языке: «рассеянное обилие нашего языка во множестве книг как древних, так и новейших писателей было главною доселе причиною трудности в прямом нашего языка употреблении» (VI). «Обилие» означает прежде всего богатство текстов и смыслов, выражаемых в них, но само это обилие должно привести к познанию точного смысла и «употребления языка» [см. Аннушкин, 2005].

Таким образом, в складывающейся науке о русском языке в XVIII в. мы наблюдаем непрерывающуюся традицию в обращении к качествам речи, хотя проявляется она имплицитно, т.е. не явно, не в конкретных описаниях самих качеств, а в их упоминаниях и в попытках описания этих качеств в разделе риторики, касающемся украшения речи.

Решительно изменилось дело в конце XVIII — начале XIX в. с появлением науки риторики и расцветом в России риторических исследований. В учебниках классиков русской риторики и словесности конца XVIII — первой половины XIX в. И.С. Рижского, М.М. Сперанского, А.Ф. Мерзлякова, Я.В. Толмачева,

Н.Ф. Кошанского, А.И. Галича, И.И. Давыдова содержатся подробные описания качеств слога, или стиля, которые должны быть присущи образцовым сочинениям. Наша дальнейшая задача — представить по возможности полно состав этих качеств, имеющийся у каждого из названных авторов, описать смысловые коннотации в концепциях каждого из авторов, показав их сходства и различия.

Прежде всего обратим внимание на то, что качества речи называются в этих русских учебниках, как правило, «совершенствами слова», а в дальнейшем «качествами слога, или стиля». Так, одним из первых реформаторов явился профессор Горного шляхетского корпуса (ныне это Санкт-Петербургский Горный институт), первый ректор Харьковского университета И.С. Рижский. В своем «Опыте риторики» 1796 г. среди основных «совершенств слова» он называл следующие: чистота языка, пристойность слов и выражений, точность, ясность, плавность = словотечение, благоразумное употребление украшений. Происходят эти совершенства «от выражений», а сами совершенства и суть «украшения» речи.

Первое, к чему призывает автор, — «основательно знать отечественный свой язык», о чем, он считает, «и говорить излишне». Это знание «нарушается, когда употребляем: 1) вместо природного речения иностранное, например *моральный* вместо *нравственный*; 2) словосочинение, противное грамматическим правилам русского языка; 3) излишнее употребление иностранных выражений, простонародных, нововведенных и даже после «славянороссийского» — «чисто российское» [Цит. по: 6. С. 91—92]. Несмотря на то, что некоторые требования выглядят преувеличенными, нетрудно увидеть в их перечне сохраняющиеся ныне требования к правилам и нормам употребления современной русской речи.

Очевидно, что одним из наиболее популярных авторов начала века был М.М. Сперанский, известный русский реформатор, «главный российский бюрократ». Будучи профессором Санкт-Петербургской Духовной академии. Он создал в 1793 г. рукописный учебник «Правила высшего красноречия», который в списках расходился и переписывался по всей России (опубликован в 1844 г.). М.М. Сперанский среди «общих свойств слога» называл следующие:

— **ясность** («Первое свойство слога есть ясность. Ничто не может извинить сочинителя, когда он пишет темно. Ничто не может дать ему права мучить нас трудным сопряжением понятий»);

— **разнообразие** («...второе свойство слогу общее есть разнообразие. Нет ничего несноснее, как сей род монотонии в слоге, когда... все выражения в обороте своем всегда одинаковы»);

— **единство** слога («Надо, чтобы части были разнообразны, а целое едино, надобно, чтобы в сочинении царствовал один какой-нибудь тон...»);

— **равность** слога с материей («Слог должен быть равен своему предмету, т.е. все побочные понятия должны быть соразмерны своим главным. Если главные мысли возвышенны, все зависящие от них должны быть сильны и благородны; если первые просты, последние должны быть легки и естественны» [Цит. по: 6. С. 84—85]. Как кажется, под этим термином подразумевается уместность речи.

Возможно, русские учебники риторики и словесности имели много общего не только с античными руководствами, которые изучались в школах и академиях, но также и с иностранными источниками своего времени, и с предшественниками на отечественной почве. Так, по-видимому, одним из первых описал качества слога или стиля профессор Московского университета А.Ф. Мерзляков. В его «Краткой риторике» 1809 г., ориентированной на учебник Эшенбурга, эти качества суммируются следующим образом: «всеобщие или существенные свойства хорошего слога во всех родах прозаических сочинений суть следующие: правильность, точность, пристойность, благородство, живость, красота и благозвучие» [Цит. по: 6. С. 134—135].

Первым из этих свойств названа «правильность, или исправность, которая принадлежит более к грамматике, чем к риторике» (этот тезис похож на приводимый выше из ранних русских риторик). Характерно также повторение известной метафоры: «выражение... служит отпечатком мысли», т.е. ее «одеждою». «**Правильность** заключает в себе **чистоту** выражений» [Цит. по: 6. С. 135—136] — и мы видим, что два этих понятия пока еще являются синонимами. Кстати, в ранних работах понятие правильности отсутствует — возможно, оно появилось именно в русских работах конца XIX — начала XX вв.

В сущности, А.Ф. Мерзляков не добавляет ничего нового в объяснение «трех главных погрешностей против чистоты и правильности языка». Они состоят в следующем: 1) употребление варваризмов (слова, которые необыкновенны, или слишком странны, или слишком новы, или несвойственны гению языка); 2) несохранение правил синтаксиса, т.е. порядка слов (это называют солецизмом); 3) неточность выражений, когда употребляются провинциализмы или слова, взятые из другого языка [Цит. по: 6. С. 136].

Если перечисленные свойства хорошего слога являются «всеобщими» и действуют во всех родах прозаических сочинений, то есть еще и свойства разных родов слога, в которых отражена теория трех стилей. У каждого стиля-слога имеются свои качества. Это деление на общее и частное происходит из самой природы словесности и риторики, где существуют общие правила (общая риторика) и правила для отдельных видов сочинений (частная риторика). Так, А.Ф. Мерзляков полагает три рода слога со следующими свойствами-качествами:

1) народный или простой (ему свойственны ясность, легкость, чистота, краткость, точность);

2) средний, или умеренный (ему свойственны «полнота и богатство выражений, но, возвышаясь над низким или народным слогом, он воздерживается от сильных и смелых порывов высокого слога»);

3) высокий слог (принадлежит к собственно «красноречию или речам, когда сего требуют или величие предмета, или отменно живое чувство и возвышенность духа. Главные источники сего слога: великие и необыкновенно благородные мысли, сильные, потрясающие движения сердца, пламенное воображение и гармоничное расположение слов» [Цит. по: 6. С. 134—135]). Обратим внимание на то, что оговариваются не только словесно-стилистические понятия, но и содержание, эмоции, воображение создателя речи.

Каждый последующий автор вносит новое толкование, но в сущности продолжает творить в русле сложившейся традиции. После Отечественной войны 1812 г. одним из наиболее влиятельных и популярных авторов был Я.В. Толмачев, написавший вначале «Правила красноречия» (1815), а затем книгу «Военное красноречие» из трех томов (1825), где содержалось общее описание риторических правил, описание правил военного красноречия и образцы сочинений (речей, деловых военных документов) [9].

Термин «слог» употреблен в старинном значении: «Слог есть образ словесного выражения мыслей и чувствований, имеющий должные совершенства, требуемые целью речи. Речь, не имеющая нужных совершенств, не имеет слога» [9. С. 123]. Как видим, и здесь положительные качества речи называются совершенствами. Совершенства подразделяются на общие, частные и особенные. Общими совершенствами являются правильность, ясность и красота. Правильность рассматривается в «употреблении и сочинении слов». Под употреблением слов понимается точный выбор слова, когда «наблюдается совершенное согласие между понятиями и словами как между знаками и значимыми предметами». Обратим внимание на то, что семантические отношения между знаками и означаемыми уже присутствовали в науке начала XIX в. Сочинение же слов бывает правильным, когда согласуется с «обыкновенным употреблением языка» [9. С. 124].

О ясности мы скажем ниже, когда разберем этот термин последовательно у разных авторов. Сейчас же отметим, как общее соотносилось с частным на примере «качеств военного витии» (оратора). Соответствующая глава начата замечательным рассуждением о том, что «военачальник более действует, нежели говорит; речь его... только дополнение действия», но поскольку *быстрота* и *сила* составляют существенные качества военного действия, так и слог всех речей военных должен отличаться сими совершенствами» [9, II. С. 43]. Каждое из этих качеств предполагает новые свойства, которые либо сами являются источниками происхождения данных качеств, либо служат их следствиями. Так, быстрота происходит от «пламенного стремления страстей», а второе «качество военного слога, происходящее от быстроты мыслей, есть краткость» [9, II. С. 44]. Третье качество — живость, ибо военачальник «пламенеет нетерпением убедить и склонить подчиненных на свое мнение» [9, II. С. 45].

Сила происходит «или от языка, или от мыслей». Я.В. Толмачев выдвигает интересную идею, вновь говоря о краткости: «Язык содействует силе слога своею краткостью. Чем он способнее представлять меньшим количеством слов большее число мыслей, тем более силы придает слогу» [9, II. С. 46]. В пример приводится «бессмертный Суворов», который отличался «силою слога, происходящею от краткости» [9, II. С. 47].

Казалось бы, этим можно было закончить рассуждение о качествах военного слога, но Я.В. Толмачев венчает главу рассуждением о свойствах личности военного человека, называя затем *особенные* качества военного слога, и придется сказать, что это как раз новый переход к качествам и личности и речи профессионального военного, только начала XIX в. Я.В. Толмачев пишет: «Благородные

и высокие чувствования, твердость, мужество, решительность, величие духа, презирающего все препятствия, все страхи и даже самую смерть, — сии качества воина изображаются и в действиях и в речах его» [9, II. С. 50—51]. Кроме упомянутых выше «*совершенств* военного слога», он считает необходимым указать еще на общие «*качества* военного слога» (правильность, ясность, определительность, чистота, истина и основательность). Как видим, Я.В. Толмачев не везде последователен в разграничении качеств и совершенств, но ясно, что для него это разные термины: «качества» отчасти повторили «совершенства», но они не заменили совершенства, а только развили количество названных свойств хорошей речи.

«*Особенными* качествами военного слога» названы «*скромность* в подчиненном и *решительность* в начальствующем». Дальнейшее описание этих качеств показывает соединение в описании Я.В. Толмачева требований к личности с требованиями к речи, которые оказываются нераздельными. Если выразиться точнее, то вначале следует качество личности, а затем качество речи. Вот как описывается скромность: «*Скромность* есть цвет вежливости, украшение человека. По делам службы она есть непременный долг, которого строго требует связь военного чинопочитания. Сия скромность должна быть истинная, а не мнимая; должна проистекать от чистосердечия, а не от низкой лести, недостойной благородного звания воина. Подчиненный, представляя донесение своему начальнику, должен вникать в значение и силу выражений, дабы не показаться грубым или низким; он должен знать все формы, принятые общежитием и постановленные правилами в сношениях по делам службы» [9, II. С. 52].

Систематическое описание качеств слога предпринято в знаменитой «Общей реторике» (писалось через «е» — К.М.) Н.Ф. Кошанского 1829 г., выдержавшей в последующее двадцатилетие десять изданий. Н.Ф. Кошанский — учитель российской и латинской словесности в Царскосельском лицее, прочитавший первую лекцию по словесности Пушкину и его лицейским друзьям, человек, которому обязаны первыми уроками в прозе и поэзии царскосельские отроки.

Учение о слоге начинает 3-ю часть учебника Н.Ф. Кошанского. Общее определение «Слога — Стиля» предполагает «способ выражать мысли», а собственно «слог в особенности есть способ выражать мысли, свойственный каждому писателю порознь» [7. С. 86—87]. Таким образом, слог есть индивидуальный способ выражения. Согласно концепции Н.Ф. Кошанского, слог имеет общие свойства и частные: Общие «подлежат правилам и имеют свои достоинства и недостатки — частные зависят от вкусов и бесчисленны. Общие достоинства необходимы и для всех частных» [7. С. 87].

Н.Ф. Кошанский выделяет следующие достоинства слога.

1. **Ясность** — «без нее все прочие достоинства, как красы природы без свет для зрителя — исчезают». Ясность предполагает три правила:

- а) «знание предмета» (назовем его гносеологическим);
- б) (логическое) «здравая, основательная связь в мыслях»;
- в) грамматическое, требующее: «1. естественного порядка слов, 2. точности и общей употребительности слов и выражений, 3. «уместных знаков препинания» [7. С. 95—96].

2. **Приличие**, которое требует «благопристойности и вкуса». Главнейших правил четыре:

а) «слог должен быть приличен предмету: простой предмет требует простого, важный — возвышенного» (уместность, или соответствие). Конечно, Н.Ф. Кошанский испытывает явное влияние античных теоретиков, знатоком которых он безусловно являлся;

б) «слог должен быть приличен лицам, месту и времени»;

в) «мысли, картины и все украшения должны быть свойственны предмету»;

г) нельзя допускать «странного смешения слов и выражений низких и высокими, шуточных с важными, остроумных с простодушными» [9. С. 97—99].

3. **Чистота** — «некоторые называют сие качество **правильностью**, другие **отделкою**». Впрочем, Н.Ф. Кошанский четко разграничивает их роли: правильность — «**основание чистоты**», а отделка служит «**средством** достижения чистоты, состоящей в словах и выражениях» [9. С. 99]. Чистота слога требуется в «словах лучших», выражениях и способах соединять слова наилучшим образом. Подобно И.С. Рижскому, Н.Ф. Кошанский замечает, что чистота слов нарушается словами: низкими, или площадными; обветшалыми (архаизмами) или вышедшими из употребления; чужестранными; провинциальными; техническими (видимо, излишним употреблением темных терминов); новыми или неудачно составленными; славянскими «не у места» [9. С. 86—99].

4. **Плавность** — «искусство писать так, чтобы чтение было легко и приятно». Плавность имеет и другие синонимические наименования: течение речи, лад, склад, собственно слог, ибо именно плавность позволяет почувствовать, «что есть в сочинении слог» [9. С. 101]. Плавность зависит «от естественного хода мыслей (мысли должны течь «одна за другою как струя за струею»); от соразмерности в частях (тайное согласие речи с быстротою или медленностию описываемых происшествий); от соответственности чувств и выражений (соответственность между порывами духа и мерою слов, в то время произносимых) и от эвритмии (редкое искусство оканчивать мысли удовлетворительным образом) [9. С. 101—103].

5. **Гармония** — понимается как «музыка слога, или удовольствие слуха», которое бывает двух родов: *благозвучность (эвфония)* и *подражательная гармония (звукоподражание)* [9. С. 103]. *Благозвучность*, или *эвфония*, есть «искусство составлять аккорды звуков, т.е. располагать звуки букв, как тоны музыки, приятно для слуха». Нарушение благозвучности вследствие «стечения одинаких звуков или многих одинаких согласных, неприятных для слуха» называется какофониею. *Подражательная гармония*, или *звукоподражание* есть искусство звуками слов выражать звуки или действие описываемого предмета [9. С. 104].

6. **Украшение** — понимается как «живопись слога, искусство пользоваться красотами предмета, или красотами выражений». Украшение бывает *внутреннее* и *наружное*. Внутреннее украшение состоит в искусстве изобретения и расположения, поэтому основывается на силе ума и степени чувств, врожденных человеку и образованных наукою», т.е. оно зависит от содержания и композиции речи. Наружное украшение — «роскошь слога, которая часто скрывает бедность мыс-

лей» — состоит в тропах и фигурах. Именно оно присваивает себе «название красноречия» [9. С. 106].

Почти одновременно с Н.Ф. Кошанским публикует свою риторiku под названием «Теория красноречия» другой преподаватель Царскосельского лицея, философ и литератор А.И. Галич. Он был замечательным педагогом-словесником, временно заменявшим Н.Ф. Кошанского в должности лицейского преподавателя словесности и заслужившим большую любовь учеников своей простотой и благорасположенностью в общении с ними.

В учебнике А.И. Галича так же, как и в предыдущей традиции, сначала дается описание общих качеств речи, а затем подобное описание качеств будет сделано в «части особенной, или прикладной», касающейся разных видов словесности, в частности, написания писем. Обратим внимание на то, что А.И. Галич начинает свой учебник разделом «Об ораторском языке, или выражении», где проанализированы именно «качества речи». Таким образом, учение о качествах речи в некоторых теориях речи XIX в. перемещается по важности на первое место. Хотя кажется, что А.И. Галич творит в русле сложившейся традиции, но при внимательном чтении видно, что переставлены сами качества, а следовательно, и переоцениваются их значимость, в само описание привнесено много новых идей.

А.И. Галич разбирает следующие качества речи: чистота, правильность, ясность, точность, благозвучие [6. С. 167—170]. При описании в «части особенной или прикладной» требований к созданию разных видов сочинений А.И. Галич пишет как раз об особенных свойствах писем, или деловых бумаг, или судебного красноречия и т.д. Так, «особенные свойства писем» следующие: легкость и естественность, приличие («письмописатель избегает всех странных, выисканных выражений...»), живость («остерегаться сухого и однообразного тона»), соразмерность частей.

«Свойства деловых бумаг суть: а) чистота и правильность грамматическая («фразы и словосочетания, получившие права гражданства... должны быть удерживаемы»), б) ясность и определительность, в) краткость, г) порядок, д) полнота [6. С. 179—181].

Этот стиль будет подвергнут критике со стороны революционеров-демократов, особенно В.Г. Белинского, хотя, как увидим, В.Г. Белинский сам будет творить в русле данной традиции. Несмотря на то, что великий критик в статье «Содержание и задачи риторики» напишет: «О господя, ужасная эта наука — риторика! Блажен, кто сможет стряхнуть с себя ее педантическую гниль и пяль...», тем не менее, он сам будет пользоваться теми же риторическими средствами и приемами. Не останавливаясь на вопросах критики риторики, скажем, что В.Г. Белинский на самом деле не идет дальше содержания учебников риторики, как это видно хотя бы из того, что он написал о требованиях к преподаванию на основе качеств речи. Вот что он пишет: «Оставляя в стороне теорию красноречия и поэзии и вообще всякую теорию в низших учебных заведениях, после основательного и строгого изучения грамматики, полагаем полезным занимать учеников *практикою языка*, чтобы они умели *ясно, вразумительно, кругло, приятно и прилично* напи-

сать записку и присылке книги, приглашение на вечер, письмо к отцу, матери или другу о своих нуждах, чувствах, препровождении времени и прочих предметах, не выходящих из сферы их понятий и жизни. Тут главное дело чтобы приучить их к *естественному, простому, но живому и правильному* слогу, к *легкости* изложения мыслей и, главное к *сообразности* с предметом сочинения» [б. С. 198—199].

Замечательно, что при всей остроумной и вдохновенной критике риторики великий революционер-демократ повторил все основные качества речи, которым он учился сам в школе: «ясность, вразумительность, приятность, приличие, естественность, простота, живость, правильность слога, легкость, сообразность» — всему этому он сам выучился из риторики, а теперь, как настоящий революционер, предлагал выбросить «с корабля современности» то, что составляло предшествующую культуру.

При существовавшей критике риторики к 50-м годам XIX в., тем не менее, раздел качеств речи если и редуцировался, то не исключался совсем из состава риторики и теории словесности. Так, наиболее влиятельный и популярный автор К.П. Зеленецкий, по чьим учебникам учились в России в середине XIX в., писал о «необходимых условиях всякой речи» [б. С. 208]. Словом *условия* он заменил существовавшие дотолде *совершенства, качества, свойства*.

Итак, К.П. Зеленецкий полагал, что этих условий три:

— **ясность** речи, чтобы «смысл речи был удобопонятен. Условия ясности суть: а) очевидная связь в мыслях, б) отчетливое знание предмета, с) точность в выражениях»;

— **естественность** речи требует, «с одной стороны, чтобы она отличалась правильной, логической последовательностью мыслей, а с другой, непринужденностью изложения»;

— **благородство и достоинство** речи требует, чтобы «она не только не была противна благопристойности и добрым нравам, но чтобы как в выражениях, так и в мыслях, не нарушаемо было уважение автора к читателю, и к самому себе» [б. С. 198—199].

Столь подробное изложение взглядов классиков русской филологии потребовалось для того, чтобы показать принципиальную природу их описаний и стиля, в котором ведутся эти описания. Для них характерно последовательное перечисление качеств речи с точным порядком описания, предполагающим: 1) определение термина-качества, 2) комментарий, в котором возможно указание как на достоинства, так и недостатки, мешающие реализации данного качества, 3) многочисленные примеры или примечания со ссылкой на предшествующих авторов.

Подводя предварительные итоги эволюции теории качеств речи в русской риторической традиции XVIII—XIX вв., отметим следующее:

— в доломоносовской рукописной филологии имеются указания на качества речи в определениях каждой их наук: грамматики (правильность), риторики (украшенность, убедительность). В ранних русских риторических сочинениях имеются также описания достоинств речи, которые включают «добрословие» и «благоречие», украшенность (красоту), сладость, чистоту, ясность, уместность, приличие;

— описание русского языка у М.В. Ломоносова свидетельствует о наличии в нем множества качеств, которые затем проявляются в теории украшения речи как основе теории стиля или слога. Эти качества суть не только «великолепие, живость, крепость, нежность, богатство, краткость», но и описанные в «Кратком руководстве к красноречию» чистота стиля, течение слова, великолепие и сила;

— последующая традиция развивается в русле ломоносовских характеристик русского языка. Создатели Словаря Академии Российской пишут об «обилии, красоте, важности и силе» русского языка. Описание качеств речи происходит, скорее, имплицитно, не в конкретных описаниях самих качеств, а в их упоминаниях и в попытках описания этих качеств в разделе риторики, касающемся украшения речи;

— учение о качествах речи начинает формироваться в особый раздел в учебниках русской риторики и словесности конца XVIII — первой половины XIX в. Их авторы И.С. Рижский, М.М. Сперанский, А.Ф. Мерзляков, Я.В. Толмачев, Н.Ф. Кошанский, А.И. Галич и др. предлагают подробные описания качеств слога или стиля, которые должны быть присущи образцовым сочинениям;

— термины для наименования качеств эволюционируют от одной теории к другой: «совершенства слова» у И.С. Рижского, «общие свойства слога» у М.М. Сперанского, «всеобщие свойства слога» у А.Ф. Мерзлякова, «всеобщие совершенства» и «особенные качества военного слога» у А.Ф. Мерзлякова, «условия речи» у К.П. Зеленецкого;

— по-прежнему выделяются основные качества хорошей речи (стиля, слога), которых касаются все авторы: ясность, чистота (вводится ее синоним — правильность), красота (украшенность). Остальные термины соответствуют имевшимся еще в античной риторике представлениям, но каждый автор привносит свои новые понятия. Среди них: разнообразие, единство, равенство (М.М. Сперанский), легкость, краткость, точность, возвышенность духа (Я.В. Толмачев), приличие, плавность, гармония (Н.Ф. Кошанский), благозвучие, естественность, соразмерность, определительность, полнота (А.И. Галич), сообразность (В.Г. Белинский) и т.д.;

— качества речи базируются на требованиях к качествам личности оратора или писателя. Хотя личность ритора мало исследуется в теории риторики и словесности, в некоторых работах последовательность анализа сначала личности, а затем речи проведена (Я.В. Толмачев);

— перечисленные качества речи стали основой для построения будущей теории коммуникативных качеств речи, которая получит развитие в стилистической теории XX столетия.

ПРИМЕЧАНИЕ

(1) В статье шрифтовые выделения наши. — *Авт.*

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Николай Спафарий*. Эстетические трактаты / Подготовка текстов и вступительная статья О.А. Белобровой. — Л., 1978.
- [2] *Аннушкин В.И.* История русской риторики. Хрестоматия. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2002.
- [3] *Аннушкин В.И.* Первая русская «Риторика» XVII века. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2006.

- [4] *Аннушкин В.И.* Риторика. Вводный курс. 2-е изд. — М., 2007.
[5] *Аннушкин В.И.* Словесные науки в Словаре Академии Российской // Словарь Академии Российской. Репринтное издание. — М., 2006. — Т. 4.
[6] *Граудина Л.К.* Русская риторика. Хрестоматия. — М., 1996.
[7] *Кошанский Н.Ф.* Общая риторика. — СПб., 1829—1849.
[8] *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию. ПСС. — М.; Л., 1952. — Т. VII. — С. 89—378, 805—839.
[9] *Толмачев Я.В.* Военное красноречие. — СПб., 1825.

THEORY OF THE QUALITIES OF SPEECH IN THE RUSSIAN PHILOLOGICAL TRADITION XVII—XIX OF THE CENTURIES

Kassem Mohammed

Department of Russian literature and intercultural communication
The state institute of the Russian language of the name of A.S. Pushkin
Volgina str., 6, Moscow, Russia, 117485

In the article the historical evolution of the theory of the communicative qualities of speech, which obtained the expanded description in the Russian textbooks of rhetoric and literature XVII—XIX of centuries, is presented. The authors of these concepts appeared themselves as little-known creators of manuscript rhetoric, so also classics of Russian philology M.M. Speranskiy, N.F. Koshanskiy, Ya.V. Tolmachev, in works of which the qualities of speech obtained original interpretation.

Key words: quality of speech, rhetoric, eloquence, communications.